

ЕЩЕ РАЗ О СПЕЦИФИКЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ХРИСТИАНСТВА И ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Часть 2

Г.Г. Пиков

Национальный исследовательский
Новосибирский государственный
университет,
Новосибирск, Россия

pikov@gf.nsu.ru

Статья посвящена проблемности отношений христианства с другими культурами как одной из ярких особенностей европейской цивилизации. Попытки понять это предпринимались на протяжении всей истории христианства. Необходимо учитывать постоянное проникновение в Европу с других континентов самых разнородных культур, которые вступали в экзистенциальный конфликт с этой религией. Одновременно есть смысл рассмотреть проблемные отношения христианства с собственно европейскими ментально-культурными композициями. Они естественно приходили в противоречие с христианством, сформировавшимся за пределами континента. Это особенно хорошо видно в период раннего христианства, когда оно было представлено в большей степени набором идей, чем суммой артефактов. К тому же христианство формировалось не за счет эволюции некоего изначального парадигмального знания, а в результате синтеза элементов почти всех известных тогда культур.

В общих чертах рассматриваются история взаимодействия христианства с европейскими культурными потоками и некоторые формы и приемы его борьбы с ними. Особую роль в этой борьбе сыграла церковь, и христианизацию можно представить как движение не столько религии, сколько церкви. Одновременно христианизация есть информационное завоевание нового пространства. Вместе с тем нужно учитывать роль этой религии в сохранении информационного единства Европы и в борьбе с культурными интервенциями извне.

Ключевые слова: христианство, культура, религия, ментальность, атеизм, наука.

DOI: 10.17212/2075-0862-2016-4.1-23-36

Одна из особенностей христианства – его своеобразное и парадоксальное дистанцирование от общества. Несмотря на активную проповедь слова Божьего в самых широких кругах общества и строительство храмов как мест общения всех людей с Богом, клир жестко отделил себя от мира и установил множество фильтров для желающих углубленно изучать Слово Божье (запрет на чтение Библии, многоуровневое университетское образование, иерархия клира, употребление в богослужении

«мертвого» латинского языка, преследование еретиков, тотальный идеологический и моральный контроль). Миряне обязаны были почтительно относиться к священникам или монахам как к своим «духовным отцам» и вести с ними разговор лишь на четко ограниченный круг тем. Даже одежда клириков подчеркивала их отстраненность от мира.

Христианство за всю свою двухтысячелетнюю историю так и не смогло победить чужую ментальность, ни средиземномор-

скую, греческую и римскую, ни северную, кельтскую, германскую и славянскую. Они связаны со слишком широким ареалом и имеют историю не менее длительную, чем ближневосточная. Однако, в силу многих своих преимуществ оно смогло поставить их под свой довольно жесткий контроль. Все века существования христианства простонародье посмеивалось над клиром. Любимой темой для обсуждения у итальянских гуманистов был именно противоестественный образ жизни монахов. Многие еретики элементарно не понимали те или иные религиозные положения.

Рим сразу же воспринял христиан как «инопланетян» и объявил им открытую войну, обвинив их в различных общих и конкретных преступлениях, в том числе, что интересно, в нарушении общественного порядка, т. е. сложившейся линии развития, представленной идеей *urbs aeterna* (вечного города). В римском обществе существовало представление, что Рим должен был просуществовать лишь одиннадцать столетий. Рим был захвачен готами и вандалами соответственно в 410 и 455 гг., и это было воспринято как этапы его окончательного крушения. Объявление Рима Октавианом Августом еще раньше вечным или бессмертным свидетельствовало, на мой взгляд, о том, что процесс формирования собственно европейской идеологии на базе средиземноморских ментальностей вышел на финишную прямую.

Христианство сыграло на незавершенности этого процесса и нанесло удар по нескольким узловым точкам. Оно объявило Рим «вавилонской блудницей», т. е. обвинило его в искусственном складывании информационно-какофонии («язычество») и назвало проблемные отношения его с регионами непреодолимыми. Причиной этого

оно видело не специфику складывания моноцентричной имперской модели, а этноментальные противоречия. Они, разумеется, существовали, но были не в пример мягче противоречий всех средиземноморских культур с самим христианством. Это перенесение вины «с больной головы на здоровую», хотя и не аргументированное, было важно для становления новой религии. В это хотели верить и легко поверили многие народы, ибо удачливый и умелый Рим ненавидели многие.

Ситуацию «язычества» создавали два процесса.

С одной стороны, она была естественным результатом процесса трансформации мультикультурного и полицентричного мира древности в моноцентричную, в идеале римоцентричную модель, когда полисная система в Средиземноморье и родоплеменная в северных областях империи подверглись разложению.

Это естественный процесс, шедший во всей Евразии. В Восточной Азии он приведет к складыванию имперской системы, которая будет активно использовать конфуцианство, ставшее результатом синтеза древнекитайской культуры. Тандем ханьское государство – конфуцианство просуществует, хотя и не без проблем, несколько тысячелетий. Обе составляющие были результатом самобытного развития.

В Европе тандем империя–идеология примет своеобразные очертания. Процесс синтеза античной ментальности и выработки на этой основе самобытной идеологии фактически будет прерван христианством, которое, обрушившись на античную культуру, на тот момент римскую, ассимилирует ее, сделает «христианской» и тем самым уберет из прежнего процесса. Ментальности оголятся, потеряют ориентацию

на «высокую» римскую культуру и впадут в хаотическое состояние, что, собственно, и можно назвать «язычеством».

В язычестве христианство, однако, обвинит римскую культуру. Рим станет «вавилонской блудницей». Обвинение это будет бездоказательно и несправедливо, поскольку именно христианство спровоцировало и инициировало это явление. Конечно, оно же и ликвидирует это «культурное наводнение» и сделает это достаточно быстро, уже к VII–VIII вв. Всё же противостояние Рима языческого и Рима христианского (двух градов, по терминологии Аврелия Августина), будет наблюдаться на всем протяжении средневековья. Это не удивительно, поскольку в европейской цивилизации всегда будет сохраняться тяготение к самобытности развития и проблемное отношение к «чужой» религии. Не случайно основным врагом христианства за все время его существования в Европе является именно античная культура. Христианство даже в свои золотые годы не смогло ее ассимилировать до конца, свидетельством чему своеобразная какофония имиджей «античности», их столпотворение и не только в периоды так называемых «возрождений».

Лукиан Самосатский (? – 312) говорил о столпотворении богов на улицах Рима. Это было результатом усилившейся динамичности и подвижности культур, которые отрывались от родной почвы по мере разложения полисной и родо-племенной систем. Культуры действительно можно назвать орудиями богов, воюющих друг с другом. Складывается впечатление, что не люди создают этих «богов», а боги подчиняют себе людей с помощью культур. Идея божественного происхождения культуры не случайно широко распространена в период образования цивилизаций, поскольку

ку синтез культурных потоков различного характера и пространственно-временной протяженности повсюду идет парадоксально и непредсказуемо. Мы имеем здесь именно такой случай, когда до сих пор не понимаем не только причин, но в какой-то мере и сути этого процесса.

Эллинистический вариант развития ко времени возникновения христианства уже исчерпал свои ресурсы. Греки не смогли предложить Евразии единую модель типа Римской империи. Какие-то идеи в этом смысле были, вероятно, у Александра Македонского, но у него, что называется, руки не дошли, ибо много времени пришлось потратить на политическое реформирование пространства. К тому же в базовой платформе греческой культуры монархические идеи были недоразвиты, а демократические занимали излишне большое место.

Этот решающий момент борьбы христианской и средиземноморской линий развития нашел подробное освещение в апологетической литературе и антихристианской полемике первых веков н.э. Любопытно, что средиземноморские авторы искренне хотели понять новую религию, проводили ее скрупулезный анализ и сравнение с античной традицией. Средиземноморье было зоной, где «истину» не знали, но хотели знать¹. Если Христа с его идеями невозможно было включить в иудей-

¹ Аврелий Августин когда-то разделил людей в зависимости от их отношения к Истине на четыре категории: 1) знают Истину и хотят ее знать; 2) не знают Истину и хотят ее знать; 3) знают Истину и не хотят ее знать; 4) не знают Истину и не хотят ее знать. В данной классификации можно увидеть путь, который должна пройти Истина, т. е. зародившаяся цивилизационная парадигма. В ней указаны четыре зоны, в которых Истина должна распространяться, а также их особенности и те трудности, с которыми Истине придется столкнуться.

скую конструкцию, то средиземноморские культуры готовы были потесниться и дать христианству место на местном идеологическом рынке. Однако христианство было с ними совершенно несовместимо.

Самым эффективным механизмом контроля новых adeptов учения была церковь, которая осуществляла постоянный и глубокий мониторинг взаимодействия христианства с обществом и его культурой. Особенно активно и безжалостно она преследовала ереси как формы «разжижения» религии и последующей ее ассимиляции. Первые ереси были «выявлены» именно Римом или по его указаниям. Все они так или иначе были связаны с оппозицией именно по отношению к римской общине. Появлялись они вначале на эллинистическом Востоке, который выдавил со своей территории иудаизм и нарождающееся христианство. Не принял он и сформировавшийся ортодоксальный вариант, прежде всего римский. Неудивительно, что именно католики объявили Восток логовом ересей. Именно греческую философию имел в виду в первую очередь Тертуллиан, когда сказал, что «философия – мать всех ересей».

Даже свободомыслие было опасно с точки зрения церкви не только для господства, но и для самого существования христианства – чужеродной по происхождению и «абсурдной» с точки зрения *ratio* культуры. Если конфуцианство на другом конце Евразии в подобной ситуации все свои усилия направляло на разъяснение своей «истины» для ментальности, ее же и породившей, то здесь ситуация диаметрально противоположная, требовавшая насилия и сверхъестественного усилия для выдавливания из сознания людей того, что идет от самой природы. Само понятие «природа» стало символом сопротивления Богу.

Везде на Востоке, в том числе и на Дальнем, христианство распространялось малоуспешно, но свободно, и только в Западной Европе, где церковь могла рассчитывать на помощь элиты общества, шла насильственная христианизация, истории которой посвящены «церковные истории» Григория Турского, Беды Достопочтенного и др.

Именно с церковью в первую очередь борются еретики, ибо без церкви христианство как религия перестанет существовать. Конфуцианство не нуждается в сколько-нибудь развитой церковной организации, его идеи ментально близки не только ханьцам, но и северным «варварам». Древнегреческая культура тоже не нуждалась в насильственной трансляции во времени и пространстве. Открыватель Трои Г. Шлиман во время своего путешествия по Греции в XIX в. с радостью слушал простых крестьян, наизусть знавших его любимого Гомера. Еврейские мальчики в юном возрасте легко цитировали Тору. Со временем появятся и люди, знавшие наизусть христианскую Библию, но это будут все же профессионалы-монахи, а простонародье будет довольствоваться расхожими цитатами и поучительными рассказами. Христианство во все века было лишь одной из составляющих мировоззрения. Если китайцев в культурном плане можно образно назвать одномерными людьми, то христиане многомерны. Их можно назвать как минимум «трехмерными» людьми. Находясь большую часть своего времени на природе, общаясь с ней в ходе своих занятий, они зависели от нее и потому в какой-то мере даже обожествляли ее. Высчитывали лунные циклы, измеряли время в соответствии с периодами дня и года, понимали зависимость от нее будущего урожая, боролись с

нею во время стихийных бедствий. Неудивительно, что в этом плане они оставались «язычниками». Живя в обществе, они ощущали свою зависимость от него, пользовались политическими, социальными и юридическими концепциями и понимали, что законы общества выработаны не Богом и не Природой. И в то же время они не могли не думать о «последних», «проклятых», «конечных» вопросах, ответ на которые в то время могло дать только христианство. Христианство было тем комплексом идей, который объединял всех людей на планете или, по крайней мере в рамках «мира», помогал бороться с «чужими» и «иными». В результате создавался сложный и часто очень личностный синтез этих составляющих. Так, например, Ауода, графиня Септиманская (первая половина IX в.), одна из самых образованных людей раннего средневековья, в книге, написанной для своего сына, Христа ставит на почетное третье место после отца (мужа) и короля [1].

Христианство разработало специфическую и изоциренную форму борьбы с ментальностью, а именно проповеди, которыми церковь пыталась обосновать невероятное – тождество пришедших из Средиземноморья идей и местных культур. Европейцы за морем всегда искали диковинные товары, «аленькие цветочки», но им и в голову не приходило жить той жизнью, которой наказали Принца, сделав его Чудовищем, ибо в своем природном облике он там никогда бы не выжил. Проповеди – это особая, изоциренная и максимально усиленная форма информационной войны против ментальности. Ментальность же эта уже стремительно теряла механизмы сопротивления. Друиды и другие профессиональные служители прежних культов были безжалостно уничтожены как христианами,

так и не понимавшими кельтскую культуру германцами. Богатство обычаев и традиций ушло в подвалы «христианской культуры» и стало именоваться народной культурой, или культурой безмолвствующего большинства. Именно с этого времени ментальность и стала пониматься как недокультура, как примитивные представления, извращающие идеи и артефакты «высокой» (прежде всего христианской) культуры.

Сыграл свою роль и общеевропейский характер церкви, присутствие ее во всех концах христианского мира. Ментальности же уже потеряли статус метарегиональных (эллинистическая, римско-латинская, кельтская, германская, славянская), локализовались в более узких регионах, становясь постепенно франкскими, готскими, англосаксонскими, восточнославянскими и затем трансформируясь во французские, английские, испанские, русские.

Славяно-византийская часть «христианского мира» помимо родовой ментальности стала испытывать воздействие со стороны ментальности «дикого» Востока: тюркского, арабского и потом монгольского.

Наиболее «боеспособный» противник христианства – эллинизм, с его опорой на древнегреческую философию, был объявлен главным врагом христианства, и на него перенесено представление о «язычестве» как смысловой какофонии и информационном хаосе. Именно оно попало под постоянный информационный натиск, скорее даже это стоит назвать перманентной информационной осадой. У эллинизма оторвали его основу – античную культуру (позднее эту операцию повторит ислам) и представили его как броуновское движение ментальностей. Сделав Платона и Аристотеля «своими», христианство сняло успешную состояться в древности куль-

турно-идеологическую настройку, дискредитировав в ней поиски сакральности и представив их бесплодными «поисками истины», тогда как истина найдена, она в христианстве, и она не человеческая, почему и надо ее постигать, т. е. жить по ней. Только потому, что некоторые античные авторы, такие как Платон и Аристотель, смогли постичь лишь «осколки божественной мудрости», они и имеют право на существование. Не согласные с такой истиной Демокрит, Эпикур и подобные им были выведены за рамки культуры. Тем самым было прервано шедшее на протяжении I тысячелетия до н. э. конструирование собственно европейской культуры, настройка которой стала стремительно ассимилироваться христианством, а ментальный базис был дискредитирован как хаос (дохристианское «язычество») и недокультура. Ментальность произвольно и бездоказательно была объявлена процессом, логически ведущим к христианству; тем самым был нанесен сокрушительный удар по прежней линии цивилизационного строительства. Ее как будто и не существовало вовсе. Это было сделано настолько профессионально и скрупулезно, что сегодня мы даже не видим этой линии, а прочитываем всю историю дохристианской Европы как «подготовку к принятию истины». Если раньше «исторические» народы Средиземноморья и варвары «догоняли» Платона, то теперь Христа: если раньше, в I тыс. до н. э., они постепенно перенимали южный, средиземноморский вариант строительства цивилизации, то в I тыс. н. э. этот процесс возглавило пришлое христианство, достаточно быстро и безжалостно расправившись с прежними лидерами. В античной культуре с тех пор ищут и используют лишь профанное знание, т. е. политические, социальные и

юридические рецепты, да еще греческий и латинский языки, аналогов или альтернативы которым христианство так и не смогло выработать.

Христианизация – движение не религии, а церкви. В «подпольный» период (первые три века н. э.) христианские идеи в различных формах, в том числе и еретических, проникли в Европу. Церковь особенно этому не мешала. Она расправлялась с инакомыслием, нанося ему удары «по месту жительства», т. е. там, где ереси возникали. А это Восток. На проникновение ересей на Север она смотрела сквозь пальцы, справедливо считая, что ереси, воспринимаемые обществом как оппозиционные по отношению к ортодоксии, будут восприняты быстрее, нежели сама ортодоксия. Эти ереси стали прививкой, введением «лекарства» в малых дозах и простых сочетаниях. После укрепления христианства в Средиземноморье церковь двинулась на Север, не только неся «Слово Божье», но и уничтожая этих своих прежних помощников, своеобразных коллаборационистов.

Апостольское движение, таким образом, стало информационно-разведывательным, своеобразной «холодной войной» против супергиганта – Античной цивилизации. Стоит, видимо, заметить, что аналогов этой битве не было в истории. Ни одна из известных цивилизаций не подвергалась такой массивной атаке извне. Военные нашествия арабов или кочевых народов ничто по сравнению с этой межцивилизационной битвой.

Формы и методы этой борьбы были уже испробованы ранее различными культурными течениями на Ближнем Востоке. Так, Александр Македонский шел вслед за неизвестными греками, переселившимися в Малую Азию, и реальное сопротивление

встретил только за ее пределами, когда вошел в пределы недеформированных с помощью греческой культуры цивилизаций (месопотамские, индийские). Так поступали древние евреи в пределах ближневосточного региона. Только римские легионы бесстрашно бряцали оружием, а не словом.

Симптоматично, что процесс христианизации северных провинций Римской империи фактически начинается со строительства монастырей, которые стали не столько форпостами новой культуры, сколько плацдармами для дальнейшей экспансии. Это была уже тактика военная, очень, кстати, напоминающая тактику продвижения современной евро-американской культуры на восток. Сначала «холодная война», информационная осада, а потом продвижение баз и инициирование «цветных революций».

Христианизация – это информационное завоевание. Не люди завоевывают пространство, а культура. Невиданный эксперимент увенчался ошеломительным успехом. Европейцы приняли новую культуру, хотя и не очень уж добровольно, хотя и сопротивлялись ей так или иначе на протяжении всей своей истории.

Средние века тоже знают период, когда нарождающийся феодальный город и возродившаяся «варварская» ментальность стали задавать свои убийственные вопросы религии. Именно в Западной Европе родилась наука, среди корней которой стоит поискать и ментальные. Церковь ответила на это схоластикой, которая в итоге блестяще защитила латинско-христианскую парадигму. Здесь имеются в виду не все средние века, а, как уже было сказано, время с VIII по XVI в. В течение этих веков центр цивилизационного развития окончательно

переместился с юга на север. Идея империи фактически исчерпала себя, на смену ей шла идея республики. Она была еще довольно аморфна и проявлялась в коммунальном движении, Великой Хартии Вольностей, восстании Кола ди Риенцо. Активно использовалась она итальянскими торговыми городами-государствами (Венеция, Генуя, Пиза). Латынь все больше становилась лишь религиозным языком.

Апогеем противостояния религии и общества стал Ренессанс, который есть проявление генетической потребности общества вернуться к греко-римской античности как периоду максимального развития прежней линии, основанной на собственной ментальности. Все средние века наполнены попытками обуздать и подавить ее. К IV в. был создан образ «христианской античности». Он был возрожден и усилен в рамках Каролингского Возрождения. Оттоновское Возрождение пыталось создать тандем христианство – «христианская античность» для эффективного функционирования империи. «Высокие» ренессансы XIV–XVI вв. пытаются сломать эту линию и вернуться к дохристианской линии развития. Однако в целом средние века – это время, когда собственно европейская ментальность загнана практически в резервации: народную культуру, рыцарскую традицию, впоследствии в городскую культуру.

Ренессансы не похожи друг на друга не только потому, что носили яркий национальный характер. Отличались они и в отношении к античной культуре. Северное Возрождение, развернувшееся в странах «за горами» (*ultra montes*), т. е. к северу от Альп, не могло принять представление итальянских гуманистов о решающей роли варваров, т. е. своих предков, в крушении античной культуры. В то же время греко-римская

культура как античность всего европейского мегарегиона им была нужна. Естественно, со временем она вступит в противоречие с их собственной античностью; в итоге будет даже некоторое противостояние с итальянской трактовкой истории культуры, своеобразная какофония имиджей античности.

Однако итальянские гуманисты увидели не только разрушение Западной Римской империи варварами, но и извращение ими античной культуры. Они обвиняли германцев не только в уничтожении древних текстов, но и в неправильном переводе тех, что были сохранены, в создании варварской латыни, а также в непонимании античных авторов. Любопытно, что в непонимании христианства они их не обвиняли.

Христианство было ближе к античной культуре, чем к варварской. Оно было идеологической системой, в нее же эволюционировала и средиземноморская культура. Варварская ментальность как более примитивная и чистая была опасна для обеих. У германцев существовала героическая культура, центральной фигурой в ней был военный вождь, а не культурный герой. Соответственно, и античную культуру, и христианство они прочитывали через свою систему ценностей. Как и в Восточной Азии, римляне пытались отгородиться от варваров «стеной» (*limes romanus*), однако германцы преодолели ее и расселились в пределах гибнущей державы. Если на востоке кочевники в лице Чингисхана просто напали на Китай и попытались силой покорить империю, то западные северяне «извратили» культуру.

Вернулась ли Европа к прерванному когда-то варианту цивилизационного развития? Решение этого вопроса требует, ра-

зумеемся, отдельного рассмотрения соотношения античной культуры и христианства как основных слагаемых современной культуры, но кое-что сказать можно и сейчас.

После Возрождения это соотношение складывается в пользу античной культуры, хотя и христианство в виде реформационных течений было достаточно активно использовано капитализмом для формирования так называемой буржуазной этики. Конечно, капитализм по многим параметрам противостоит ему. В то же время мы видим, что в средние века европейский вариант цивилизационного развития является абсолютно уникальным, хотя христианство и не занимает уже прежнего места в нем. Символичен в этом плане подзаголовок напумевшей книги Эрнандо де Сото «Загадка капитала»: «Почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всем остальном мире» [2].

В настоящее время тоже наблюдается ситуация определенного хаоса. Не «побеждена» еще до конца религия, и религиозный взгляд на развитие физического и социального миров все еще широко распространен на планете. Очевидно, что иудео-христианские – по происхождению ли, по форме ли – идеи до сих пор не опровергнуты и не отринуты и всё еще необходимы человечеству. Более того, религия сыграла огромную роль в оформлении цивилизационных идей. Христианство и другие мировые религии – единственные мировоззрения, которые четко отталкиваются от изначальной парадигмы («истины»), сформулированной в самом начале цивилизационной истории. Остальные идеологии, так или иначе связанные с мировыми религиями или даже противостоящие им, берут за основу те трактовки парадигмы, которые возникают позд-

нее. Так, США использовали протестантскую этику, а СССР обратился к просветительской критике религии. Все эти варианты уже находятся под сильным влиянием материализма, рационализма и прагматизма и волей-неволей низводят «истину» на уровень случайной, которую можно брать, а можно и отказаться от нее. На это, по сути, работает принцип свободы совести, который, провозглашая право на освобождение от религии, в той или иной степени подрывает связь с конкретной цивилизационной парадигмой. Тем самым провоцируется возможность складывания идейной анархии, перехода к иной парадигме (например, к исламу) или к глобальной идейной конвергенции. Демократическое общество придало дополнительный мощный стимул для выдавливания христианства в этическое гетто и, поскольку сейчас базовые идеи цивилизации приписываются, по сути, только античной культуре, то фактически используется лишь один из доцивилизационных истоков. Их же два, если к тому же не считать «варварской» культуры, которая всё еще не получила должной оценки в этом плане.

Вероятно, особая заслуга в этом принадлежит гуманистам, которые через излишнее возвеличение человека произвольно усилили одну из составляющих – античность, дискредитировав две остальные – христианство и варварскую культуру. В последние два столетия христианство нередко называли продуктом больного сознания, или одной из самых примитивных форм общественного сознания. Просвещение попыталось создать исключительно секулярный синтез античной и «варварской» культур, и он оказался достаточно хорош на этапе противостояния с уходящим традиционным обществом, но в конце тыся-

челетия «пробуксовывает». Напрашивается мысль о том, что в современной культуре необходимо использовать все три источника, что без религиозных идей современная культура невозможна. Дело не в лежащей в ее основе идее сверхъестественного, хотя и она окончательно не опровергнута, а лишь отброшена как якобы ненужная. Это отбрасывание (цель и суть крайнего атеизма), кстати, всегда особенно заметно в переходные периоды, что великолепно показали советские историки религии на примере истории свободомыслия.

Собственно, о завершении предыдущего варианта развития говорили еще гуманисты, которые предположили, что все религии, в том числе и христианство, находятся под покровительством определенных планет. Когда заканчивается это влияние, уходит и религия. Это была, по сути, идея историчности христианства. В позапрошлом веке был поставлен вопрос о конце капитализма как формации. Ф. Ницше говорил о смерти Бога, о «закате Европы» писал О. Шпенглер. Марксисты объявили современный им период истории временем загнивания капитализма. Появляется большой, хотя и еще мало обоснованный, соблазн поставить вопрос об уходе христианства как аномального варианта для всех миров и всего человечества.

Успешная борьба с исламом, еще одной чужой для Европы религии, всегда была заслугой христианства. Стоило ему ослабеть, и исламская ползучая экспансия усилилась. В настоящее время всё более активную оппозицию по отношению к исламу в Европе занимает само общество. Европейцы уже имеют многовековой опыт борьбы с христианством, и в последнее время он все активнее используется для борьбы с исламом.

Западное общество переживает очень сложный этап в своем развитии, в нем сильны уже не столько социальные, сколько национальные и культурные противоречия. Принципы толерантности, политкорректности и свободы совести играют не самую положительную роль в современной ситуации. Они достаточно глубоко проникли в сознание людей, но формировались-то они в период противостояния с религией и в значительной степени до сих пор продолжают использовать именно христианский образ. Однако в настоящий момент христианство в его противостоянии с многочисленными и разнообразными культурами, проникающими в Европу с Востока и из Африки, необходимо максимально поддерживать. Необходим компромисс с ним. Это особенно актуально, если учесть, что союзников у него просто нет. Марксизм уже не распространяется вширь и не развивается вглубь, а все свои силы бросил на идейное сопротивление нападкам на него. К тому же его антирелигиозные аргументы излишне атеистичны, и мусульмане их просто не услышат.

Сознание европейцев в отличие от мусульман секуляризовано, но еще не научно, ведь процесс сциентизации в качестве идеологии, способной стать альтернативой христианству, еще далеко не завершился. Ислам же достаточно однороден, внутренние противоречия в нем вполне преодолимы в случае необходимости противостояния с христианством. Он сохранил арабский язык как универсальный. Он получает мощную подпитку со стороны относительно дружных ментальных культур почти всего Востока.

Сказывается и негативное отношение к попыткам Запада жестко контролировать развитие Востока. Европу, США, капита-

лизм и христианство дружно не любят все на Востоке. Европу обвиняют в насилии, гордыне, барстве. Последние акции США в этом регионе только подливают бензин в костер. Нужен активный диалог культур, а не массовый переход восточных обществ на европейский «магистральный путь развития всего человечества».

Немалую роль в решении многих геополитических проблем могли бы сыграть Россия и православие. Здесь нет и не было таких жестких противоречий между славянской ментальностью и христианством, как на Западе. Это обусловлено многими причинами, в том числе мультикультурностью славянского мира, традиционно существовавшим диалогом культур как основным механизмом их взаимодействия, отсутствием жесткой церковной структуры и притязаний церкви на светскую власть, большим влиянием эллинистической, чем латинской традиции, давними и глубокими связями с восточными мирами. Православие скорее располагалось на горизонтали рядом с государством, народной культурой, чем господствовало над ментальностью.

Серьезным сдерживающим фактором для любой экспансии служит и военная мощь государства. Российский фактор до сих пор, несмотря на потерю страной статуса сверхдержавы, является одним из решающих на международной арене. Если Россия и не является ферзем на мировой шахматной доске, она не стала и пешкой.

Специфичным было развитие христианской религии в славянской зоне. Православный мир вынужден был во все свои века рефлексировать по отношению к иным культурам, которые постоянно проникали в него. Своя идеологическая система, формировавшаяся на базе дохристианской традиции, не успевала сформироваться уже хотя

бы по той причине, что на это требовалось очень много времени. В Китае, например, этот процесс занял несколько тысячелетий, примерно с V по II тыс. до н. э., причем до середины I тыс. до н. э. китайская цивилизация существовала изолированно, практически не общаясь с другими цивилизациями.

На формирование славянского мира оказали существенное воздействие мировые религии – христианство и ислам, которые окружили славян с запада, северо-запада и юга. Сказалось и влияние тюрко-монгольского мира, включая Сибирь, с востока. Этот мир выдержал натиск извне и лишь частично воспринял христианство и ислам, более основательно буддизм. В последние десятилетия он заметно укрепляется и самоопределяется.

Особую роль сыграл атеизм XX в., который можно рассматривать как своеобразную реакцию на христианство и стремление вернуться к искусственно прерванному процессу выработки своей идеологии.

Атеизм как феномен возникает в период апогея противостояния культур, когда в культурах, оппозиционных христианству, наблюдается переход к отрицанию сверхъестественного и перенос акцента на естественное. В древности наблюдался диктат естественного, особенно животного: человек старается быть звероподобным, ощущает свою зависимость от него и с его помощью рассчитывает выжить в непонятном и враждебном мире. В средневековом мире наблюдается еще более сильный диктат уже сверхъестественного: человек старается быть богоподобным и с помощью Бога стремится уйти из мира и вернуться в Эдем. В конце прошлого века всё активнее ведутся разговоры о параллельных мирах и человечество начинает всерьез задумываться об иноестественном.

Атеизм дал возможность противникам христианства, в том числе не только сторонникам тех или иных философских учений, но и носителям древних (иудаизм) и современных национальных культур, бороться с ним легально, при поддержке государства. Его идейной основой стал марксизм, направленный одновременно против ментальности и христианства. Марксистские экономические идеи и картина истории повлияли и на развитие современного либерализма. К. Маркс и Ф. Энгельс преобразовали «три источника» (немецкая философия, английская политическая экономия, французский социализм) в боевую систему, которую марксизм использовал как орудие идеологической борьбы, по сути, со всей культурой Европы, а либерализм как источник некоторых идей и рецептов.

Марксизм стал культурой европейской вертикали, т. е. соединил все «прогрессивные» идеи в истории Европы и бросил их на борьбу с современной Европой. Он четко и проблемно сформулировал две дихотомии – социальную (противостояние эксплуататоров и эксплуатируемых) и религиозно-философскую (противостояние материализма и идеализма). Критика европейской культуры по этим двум направлениям наносила ощутимые удары по базису и надстройке. Как ни парадоксально, христианство активно выступило на защиту европейской цивилизации от этой критики, хотя у него уже не было тех сил, которые позволяли ему в средние века бороться с исламом.

Марксизм в нашей стране тоже отчуждается, ибо чужероден по отношению и к западной культуре, и к славяно-азиатской. Везде он используется лишь как средство борьбы или одна из составляющих оригинальных учений (маоизм, чучхе).

Фашизм и советский марксизм стали своеобразными экспериментами по использованию разных вариантов европейской ментальности (немецкая, русская) в борьбе с общеевропейской конструкцией, построенной на капиталистической экономике, понимаемой как магистральный путь развития всего человечества. В обоих вариантах была использована в той или иной мере антихристианская составляющая. Капитализм также использовал множество антихристианских идей и до сих пор выступает фактически как антихристианство, хотя, не будучи идеологией, он не ведет борьбы с церковью, а по сути просто игнорирует ее.

В СССР по аналогии с христианизацией происходила марксизация: попытка вместо христианства как идеологии мегарегиона использовать марксизм как «прогрессивную» идеологию, т. е. антихристианскую и антикапиталистическую. Хотя это и было необходимо в определенном смысле, ведь именно в XX в. стремительно идет завершение складывания российской цивилизации, этот процесс в то же время ярко свидетельствует о том, что в России еще не сложилась своя собственная идеология и борьба с влиянием чужой (европейской) цивилизации идет с использованием появившихся внутри самой Европы средств борьбы. Использование чужой идеологии, как ношение чужой одежды, в новейшее время в отличие от средневекового периода не могло продолжаться долго. Длительное использование чужой ментальности в любой форме уже невозможно. Это в какой-то мере было легче делать в отношении иудаизма, воплотившего чистую ментальность; в христианстве же ментальные черты находятся в дисперсном виде и глубоко под слоем идеологии, в результате чего и складыва-

ется впечатление о его «ничейности». Ментальность не терпит одинаково чужое и ничье, а в христианстве есть и то и другое – чужое и бездомное. Это заметил уже Цельс.

В этом контексте крайние негативные последствия могут иметь действия по разрушению России со стороны Запада, особенно США. Запад разрушил единство славянского мира, отобрал западных славян и теперь взялся за восточных. Как знать, не бьют ли они своего будущего спасителя?!

Славяне никогда не были и не будут врагами Запада. Даже в «Повести временных лет», одном из самых ранних текстов, принимается христианская парадигма. Все славяне всегда считали себя частью западного мира, а не восточного.

Помимо ислама у Европы возможны проблемные и даже конфликтные отношения со многими другими силами. Стремительно развивается Китай с его принципиально иной для европейцев ментальностью. Недооцениваются потенциалы африканского континента.

Российская Федерация не просто европейская застава, она помимо военной силы для сдерживания перетекания Востока на запад может использовать и свою мощную культуру. Ее надо укреплять.

В заключение, возвращаясь к основной теме, хочется высказать банальную мысль. Мы тщательно изучали и изучаем политику, создали разнообразные политические партии и с их помощью пытаемся хоть как-то регулировать политическую жизнь. Пытаемся регулировать экономику с помощью плановых методов, изоциранных экономических теорий и т. п. Культуру же мы всегда если и изучали, то как надстройку над базисом. *Volens nolens* мы все материалисты и глубинно убеждены, что только бытие определяет сознание. Именно поэто-

му мы, считая себя культурными людьми, охотно пишем литературные произведения или картины, философствуем, погружаемся в бездну Интернета, и лишь очень немногие из нас пытаются дать некое системное определение броуновскому движению культурных артефактов. Чиновники способны лишь помогать «нужным» деятелям культуры и пытаются нейтрализовать «ненужных», исходя из конъюнктурных соображений, фактически не имея никакой не то что программы, но даже философии развития культуры. В СССР хотя бы были какие-то наметки осмысления возможно, пусть даже необходимого, пути культуры. В христианстве жесткое программирование было, хотя и оно не спасало от подпольного устного самиздата еретиков или вагантов. В «вывихнутом» XX в. и только еще становящемся на ноги веке XXI мы по сути идем вслед за культурой, все еще считая ее малозначимой сферой жизни. По-

нятно, что никакие культурные «биржи» не «выровняют» культуру, которая развивается гораздо хаотичнее, чем капиталистическая экономика. Решить дело может только концептуальное осмысление всей прошедшей цивилизационной линии и выработка на этой основе перспективной программы, которая единственная может спасти от хаоса и культурных наводнений и разливов, этнических, сексуальных и поповых ренессансов народившихся в наше время многочисленных «меньшинств».

Литература

1. *Бессмертный Ю.А.* Мир глазами знатной женщины IX века // *Художественный язык средневековья*. – М.: Художественная литература, 1982. – С. 83–107.

2. *Сото Э. де.* Загадка капитала: почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всем остальном мире. – М.: Олимп-Бизнес, 2004. – 272 с.

ONCE AGAIN ABOUT THE SPECIFICS OF INTERACTION BETWEEN CHRISTIANITY AND EUROPEAN CULTURE

Part 2

G.G. Pikov

National Research Novosibirsk State
University,
Novosibirsk, Russian Federation

pikov@gf.nsu.ru

The article is devoted to the problematic character of the relations of Christianity with other cultures as one of the brightest features of European civilization. Attempts to understand it were made throughout the History of Christianity. It is necessary to consider continuous penetration into Europe of the most diverse cultures from the other continents which entered into the existential conflict with this religion. At the same time it is necessary to consider the problem relations of Christianity with the European mental and cultural arrangements. They naturally came into conflict with Christianity which had been created outside the continent. It is especially vividly seen in the period of early Christianity when Christianity was more presented by a set of ideas, than the sum of artifacts. Besides, Christianity was formed not due to

the evolution of a certain initial paradigm, but as a result of synthesis of elements of almost all known at that time cultures.

The author gives a general characteristic of the history of interaction between Christianity and the European cultural streams, and also he considers some forms and methods of fight, which Christianity used against those cultural streams. The Church played a special role in this fight, and christianization might be presented as the movement of the Church, not a religion. At the same time christianization is an information gain of new space. Simultaneously, it is necessary to highlight the role of this religion in preservation of the European information unity and also in the fight against cultural interventions from the outside.

Keywords: Christianity, culture, religion, mentality, atheism, science.

DOI: 10.17212/2075-0862-2016-4.1-23-36

References

1. Bessmertnyi Yu.L. Mir glazami znatnoi zhenshchiny IX veka [The world through the eyes of a noble woman in the IX century]. *Khudozhestvennyi yazyk srednevekov'ya* [The artistic language of the middle ages]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1982, pp. 83–107.

2. Soto H. de. *The mystery of capital: why capitalism triumphs in the West and fails everywhere else*. London, Bantam Press, 2000 (Russ. ed.: Soto E. de. *Zagadka kapitala: pochemu kapitalizm torzhestvuet na Zapade i terpit porazhenie vo vsem ostal'nom mire*. Moscow, Olimp-Biznes Publ., 2004. 272 p.).